

Младший лейтенант
С.А. Жевакин. 1945 год

Неординарность Сергея Александровича проявлялась и в манере поведения на научных семинарах, и в образных рассказах о событиях, участником или свидетелем которых он был. Обладателем уникальной магнитофонной записи голоса С.А. Жевакина является д.ф.-м.н., профессор, ведущий научный сотрудник ИФМ РАН К.П. Гайкович, который беседовал с Сергеем Александровичем в 1998 году у себя дома, после успешной защиты докторской диссертации. Ниже приводится текст этой беседы, расшифрованный К.П. Гайковичем.

С.А. ЖЕВАКИН О ВОЙНЕ

К.П. Гайкович. Вы рассказывали как-то про ночное наступление Жукова?

С.А. Жевакин. Я попал на Великобукринский плацдарм (Букринский плацдарм на западном берегу р. Днепр в районе Великого Букрина. — *Ред.*). Вы что-нибудь слышали об этом? Армия Рыбалко и еще несколько армий захватили плацдарм. Я одним из первых был переправлен по понтонам, уже наведенным, через Днепр на этот плацдарм. Танки переправились. Это один из критических моментов моей жизни, но я тогда [все] воспринимал как-то очень просто, принужденно. Это большой плацдарм и большое событие — его замалчивают в нашей литературе! И сейчас будет ясно, почему.

Мы переправились, то есть Рыбалко тоже, очевидно, переправился, еще кто-то, ну и я. Жукова в это время не было. Он потом появился. Я знаю точно, я видел, как это было... Ночь наступила. А плацдарм, наверно, глубиной километра, может быть, три (его потом расширили) и в ширину, ну, может быть, десять километров.

И вот, немцы ночью начали наступление, пробуя сбросить нас в Днепр.

К.Г. Так это рядом с Киевом?

С.Ж. Да, 70 км южнее Киева (в 80 км юго-восточнее Киева. — *Ред.*). Мы Киев потом взяли, и стали киевские... (За боевые отличия в ходе Киевской наступательной операции 65 частей и соединений получили почетные наименования «Киевские». — *Ред.*)

К.Г. Самое трудное, наверно, было форсировать?

С.Ж. Форсировали не мы, пехота на лодках... Но вот немцы решили нас сбросить ночью. Я ничего не видел. Я у уреза воды, за горой. У всякой реки — обрыв, и вот я тут. Атака пехоты немецкой там где-то вверху. Стрельба большая. Я был в то время радиотехником танкового полка.

К.Г. У Вас боевая задача была — связь обеспечить?

С.Ж. Ну да, с ремонтом радиостанций связи. Когда у нас начальника связи убили, меня назначили и.о. начальника связи.

Наступление... Если бы наша пехота не удержалась — то... Я вообще плаваю хорошо, но все-таки обмундирование, и потом, все время рвутся [снаряды] в Днепре — фонтаны.

К.Г. Это осень или лето?

С.Ж. Был сентябрь. Но еще теплое время. Это ничего, я переплыл бы Днепр — даже разговора нет. Но фонтаны [от разрывов] рыбу глушат — и нас бы так же глушили. Один командир бригады приказал сделать ему плот. На наших глазах сделали плот. Другой какой-то командир приказал плот изрубить — плот изрубили.

К.Г. А танки?

С.Ж. Нет, танков не было.

К.Г. А Вы, говорите, переправились?

С.Ж. Ну да, переправились, где-то заняли оборону. Я все-таки не танкист. Танкист — ужасная профессия! Пехотинец — ужасная профессия еще и потому, что их били и не давали им орденов. Я читаю в газете «За нашу Родину», что пехотинец ворвался в окопы, уничтожил 15 гитлеровцев и захватил 2 пулемета. Наградили его медалью «За отвагу». Если это правда, вы понимаете, что значит уничтожить 15 гитлеровцев, а?! Да тут же уничтожат тебя! И ему дали только медаль «За отвагу». Танкистам давали ордена — «Отечественной войны» либо еще что-то. Но били их так же.

Теперь про Жукова расскажу. Я лежу около окопчика на этом плацдарме, и вдруг вижу: по долине едут «виллисы» — штук семь, и над ними штук 7–8 самолетов. Понимаете? Я лейтенант, ничего не знаю, вообще говоря. Через два-три дня узнал: к нам приехал маршал Жуков.

И вот ночью командиров танков (я вместе с ними попал) собрали в большом шалаше с аккумуляторным освещением. Я [его] видел метров с двадцати. Он маленький! Жуков выступал перед нами, говорил: «Вам предстоит невиданное в истории наступление в пересеченной местности. Танковое. Ночное». Дня через два началось это наступление. У немцев все было пристреляно — там холмы и долины. Да, было объявлено экипажу: «Ворвешься в деревню — Герой Советского Союза». И они пытались, но их расстреливали — все пристреляно... В первый день мы потеряли половину машин...

К.Г. Сколько их было?

С.Ж. Двадцать одна. Это только в нашем полку. А на следующий день — все. В целом потеряли 700 танков, продвинувшись километров на 15. Это ничто!

Вот — неудачное наступление на Великобукринском плацдарме. А о нем, вообще говоря, не пишут. После [этого сражения] танки переправились на север. И вот уж оттуда, в обход, с запада нам удалось взять Киев. Танкисты: [одна] половина либо сгорела, либо убита, либо ранена, [другая] осталась целой. Нас — на перформировку. Снабжают машинами и танками — до целого. И снова такая же мясорубка.

К.Г. Может, Жуков под Берлином использовал этот опыт?

С.Ж. Под Берлином... Вот у меня медаль за взятие Берлина, но в Берлине я не был. Когда Берлин был взят, я был в 40 км южнее. Дней через пять нам объявили: экскурсия в Берлин. А я очень хорошо в это время проводил время на озере...

К.Г. С немками?

С.Ж. Немки были, да!

К.Г. Был случай, какой-то караул вас прихватил?

С.Ж. Да, караул прихватил. Я отправился на озеро в компании молодых немок. Не одна немка — навер-

ное, четыре. Мы лежим, солнце, озеро, небо безоблачное. [С противоположного берега] озера приплыл какой-то тип и лежит в воде, слушает наш разговор. Потом уплыл обратно. Я вижу — двое идут вокруг озера к нам. Бежать тоже нехорошо. Я ничего не совершил такого. С немками — ну и что? Тривиальное явление. Появляются, предъявляют документы какие-то, уж не помню. У меня было удостоверение всегда с собой. Он мне говорит: «От этого народа надо держаться подальше».

Я, дурак, не поехал [в Берлин]. Вы понимаете, дурак! Я думал: «Чего я туда [поеду]?». Я не был в Берлине!

К.Г. Он был разрушен?

С.Ж. Разрушен. Там ничего интересного не было. Но все-таки можно было посмотреть рейхстаг, а теперь вам сказать, что я расписался на рейхстаге. А сейчас я могу только приврать.

К.Г. Но Вы рисковали все же?

С.Ж. Я знал, [что рискую]. По-немецки я бегло читаю, но боже упаси меня... Вот когда мы стали отступать, я увидел, сколько от немцев остается бумаги: газет, журналов, документов — уйма. От нас ведь, когда уходили, ничего не оставалось, никакой бумаги. Если у нас и были газеты, они очень быстро разрывались на [самокрутки]. От нас — ничего. От них — много. Газеты. В укромный момент я эти газеты собирал, [прятал] в кустах и, когда имел время, [там же и] читал. Читать [в открытую] было невозможно, нельзя!

У меня был случай. Я был в резерве, на курсах в [районе] Эссентуков. Отправился в Эссентуки, и в городской библиотеке взял несколько немецких романов на немецком языке. Разумеется, со штампом библиотеки. Это чрезвычайно важно! И вот они у меня на тумбочке лежат. Дня через два меня вызывают (изображает стук): «Вы читаете немецкие книжки. Откуда Вы знаете немецкий язык?» — «Я не только немецкий — я и английский знаю». Тут я лгал — английский я очень плохо знал, читать не мог. «А почему Вы читаете немецкие книжки? А русские не читаете?» Я говорю: «Да я и русские читаю!» Ну, отпустили.

К.Г. Повезло Вам, Сергей Александрович!

С.Ж. Или так. [Это уже в Германии было.] Ночевали мы с капитаном (имя неразборчиво. — К. Г.) — стерва отчаянная. Он своим подчиненным говорил: «Я тебя устре'лю!» Я знал, что у меня будет свободный вечер, пробежался по домам (они пустые) и взял там несколько немецких книжек. Кох (разумеется, не гаулейтер, а бактериолог) — биография, знаменитую книжку Вейля «Материя» на немецком языке (я жалею до сих пор, [что не оставил ее у себя]) — там одни формулы. Ну, и еще что-то. Значит, приношу [на квартиру] — и та же история.

К.Г. А как женщины в армии?

С.Ж. Я могу мелкий случай рассказать. Старший лейтенант С. Ну, у него если культура и была, то маленькая. Но все-таки старший лейтенант из Киева, радиотехник со средним техническим образованием. Ухаживал за женщинами. Никакого насилия, конечно, очень опытный, по-видимому, человек, любитель, ловкий. И вдруг я наблюдаю сцену, которая меня удивила. Все-таки он киевлянин. [В нашем полку] у сержанта и украинки была любовь... Сержант выходит от нее — и С. тоже туда лезет. Она его выгнала. Он, возмущенный, бьет себя по груди и говорит: «Я советский офицер! Я советский офицер!..»

Я могу Вам рассказать одно из моих ярчайших военных воспоминаний. Тут женщины есть, я просто опускаю... — но Вы меня поймете. У меня был мой подчиненный — лейтенант Б. Я отклонюсь. Вы знаете, что по всей Германии были очереди? Вы знаете это или нет?

К.Г. Нет.

С.Ж. Я эти очереди видел, в них не вставал. И Б., мой лейтенант, в них не вставал никогда. Приехал к нам из [штаба] армии кто-то. Нас собирают. Он выступает: «Товарищи, товарищи, что вы пишете на Родину? Вот я вам сейчас прочитаю. Брат пишет сестре: “По всей Германии очереди, ты, конечно, понимаешь — я в них не последний!” Товарищи, что вы пишете на Родину?!»

К.Г. Что же это за очереди?

С.Ж. Ну, за женщинами. Слушайте, вообще все население — это женщины-немки. Мужчин не было, они или убежали, или в армии служили. Иди [в любой] дом — там свободная немка. Но устанавливалась очередь вот к этой немке. Мне известен только один случай, когда отдали под суд. За что? Какой-то полк расположился на привале. (Сам я этого не видел, но слышал). Сержант забежал в дом, ему уже все обрыдло, он вытащил немку [на улицу], и тут при всех хулиганский поступок произвел. Его отдали под суд, говорят, но что с ним сделали — не знаю. Ну, потому что хулиганство, Вы понимаете? <...>

Так вот, лейтенант Б. — только по любви. Никакого насилия! Только по любви. Вот мы, офицеры, лежим на солнышке, греемся. Я уж не помню, кончилась война или нет, но тут уж разница небольшая. И вдруг один из нас говорит: «А ты, Б., говорят, все с немками?» Мой Б. растерялся, глаза его заморгали. «Да, я <...>, но я с ненавистью!» Это одно из самых ярких впечатлений от войны. Для меня, по крайней мере. Со мной рядом убило много, но это как-то [привычно], ничего интересного.

К.Г. А вот у Твардовского: пух из перин летел по всей Германии?

С.Ж. Я не читал. Но поля по всей Германии были усеяны пухом. Отчего? У немков машин уже не было, бензина не было — ничего. Так вот, они себе какие-

то коляски раздобыли и везли свой скарб и перины. А в перинах-то мало ли что может быть: и золото, и кольца... Пух из перин выпускали. Поля по всей Германии были покрыты пухом.

А однажды я читаю в газете «Красная звезда», либо «Правда». Корреспондент пишет, что они остановились в доме барона. А этот барон перед бегством в бессильной ярости выпустил пух из перин.

К.Г. У Твардовского этого нет. А вот про часы Вы рассказывали — как «уркали» там...

С.Ж. Это тоже. На войне у меня было много таких опасных положений. 40 км от Берлина. Уже все ясно. У нас два повара. Один другому говорит: «Идем, постреляем!» Это что значит? Деморализованные немцы бегают от дерева к дереву. И вот — идти их пострелять. Это не очень опасно. Опасно, но не очень.

К.Г. Они тоже отстреливались?

С.Ж. Ну, они деморализованные были. Уже все. И вот в это время нам велели ехать на полutorке на НП (наблюдательный пункт) — радио там. Мы поехали лесом. Леса под Берлином большие, но они все сажены. Мы едем. Пехота с нами. И вдруг из-за деревьев — зеленые шинели — много-много. Пехота побежала. Мы на полutorке встали, решили развернуться и тоже бежать. Но она заглохла. Мы вылезли и легли. У меня пистолет ТТ — это же не оружие! Несколько [пехотинцев] были с автоматами. Мы легли. Я испугался очень сильно. Неужели, думаю, это конец? Сейчас — все! Немцы в плен брать не будут, застрелят. Но, к счастью, пехота как-то удержалась, а эти деморализованные немцы (какая-то часть) сдались. Наши солдаты их окружили и у всех снимали часы. И вот: «Ур, ур, ур, ур» — это, значит, часы [завучали]. Вот и все. Я был рядом. Но я не снимал эти часы.

Меня иногда спрашивают, было ли мародерство. Ну, на это я отвечаю так. Когда мы были на своей территории или на польской, послать на Родину мы ничего не могли — только треугольничек [письма]. Больше ничего. И что-нибудь взять нам было совершенно не интересно. Разве что взять и съесть тут же. [Что-то] другое нас не интересовало совершенно. Когда мы оказались в Германии, нам было объявлено, что рядовой может послать посылку [весом] 10 кг. Это первый раз в истории. А офицер низкого уровня (как я) — может 20 кг послать (в месяц). Я однажды набрал 2 кг и отослал по почте матери. Она была страшно перепугана: решила, что меня убили, а мои вещи прислали. Но я только одну посылку послал, а мог [бы] несколько послать, потому что много месяцев был [в Германии].

К.Г. Ну а как собирали — что приглянется?

С.Ж. Ну, во-первых, немцы все бежали. Пустые дома — заходи, делай что хочешь. У них уровень жизни был выше нашего. В деревне, где мы в основном [останавливались], обставлено... (Ну, мне стыдно сказать, но Вы обставлены хуже.) Потом немки узнали (они уходили — в лучшем случае запирали [дома]), не

С.А. Жевакин (второй справа)
с американскими союзниками.
1945 год

понимали), что мы делаем, и решили закапывать свое имущество в землю, перед тем как бежать. Слушайте, мы же все-таки не дураки! Все обзавелись стальными штырями — ходят, [ищут] и выкапывают. А однажды дежурю на узле связи, ко мне является ординарец и говорит: «Вас хочет видеть немка». (По-немецки я свободно говорю). Выхожу. Немка говорит, что закопала свои вещи, а солдаты их выкопали и они валяются [никому не нужны], и спрашивает меня: «Могу ли я их взять?» Я подхожу. Действительно выкопано: кружева, еще какая-то ерунда. Говорю: «Можете взять». Она взяла, меня благодарила.

К.Г. Расскажите про встречу на Эльбе.

С.Ж. Я был на Эльбе. Американцы туда попали, мы тоже. Никакого согласования предварительного — мы шли и они шли — встретились.

К.Г. Вы знали, что встретитесь?

С.Ж. Нет, но войны-то уже не было. Немцев окруженных нет. Американцы, особенно негры, очень понравились — какая-то физическая симпатия. Главное, глаза у них блестят, зубы. И угощают нас шоколадом, которого я не видел не знаю сколько времени. Шоколада у них страшно много. Они по несколько плиток дают.

К.Г. А Вы им что — неудобно как-то, водку хоть?

С.Ж. Нет, водка ведь тоже... Я вот вам расскажу о водке. Скажем 43-й, 44-й год. Это мы воюем на нашей территории или в Польше. Добираемся мы до баков со спиртом. Каждый льет себе во фляжку. Но фляжка-то маленькая! В котелок, но не у каждого он есть. Надо уходить! А как оставлять добро? Каждый, сколько может, льет в себя. И лежат.

К.Г. Ну, неужели вам нечего было американцам предложить?

С.Ж. В первые месяц-полтора общение с американцами не было запрещено, и они приезжали к нам. У меня полторка была в моем распоряжении, но стояла на приколе. Мы ездить на машинах не могли. Они за нами приезжали и увозили к себе. И там, значит, мы выпивали, ели — все, в общем-то, невкусно. Хлеб белоснежный, консервы — все американское.

К.Г. А девушки-то были?

С.Ж. Нет, девушек не было. Они [американцы] к нам приезжали. Мы их кормили гораздо лучше. У нас, конечно, никаких консервов не было, в лучшем случае — американские. Но это такое барахло. Но мы же тут хозяева. Тут же и свиньи, и коровы. Ведь вот, идешь по улице и видишь — мертвая свинья. А почему мертвая? У нее из спины вырезан кусок сала. А все остальное... Ну, мы жили очень хорошо: мясо, шампанское. Мне в распоряжение на месяц примерно дали склад французского шампанского. В первый день я выпил полторы бутылки. А потом уже... Вот они приезжают — мы их кормим — немецкой свиной, говядиной, что там еще...

К.Г. И это им нравилось больше, чем консервы?

С.Ж. Конечно, разговора нет!

К.Г. А как вы с ними разговаривали, по-английски?

С.Ж. Я мог разговаривать только по-немецки.

К.Г. А они?

С.Ж. Редко кто.

К.Г. А отношение было как к победителям?

С.Ж. Да, великая страна была!